

Коллективизм русского крестьянства: миф или реальность?

Научный руководитель – Пурынычева Галина Михайловна

Чулков Леонид Константинович

Сотрудник

Поволжский государственный технологический университет, Йошкар-Ола, Россия

E-mail: ChulkovLK@yandex.ru

Для понимания особенностей исторического развития нашей страны важен вопрос о соотношении коллективизма и индивидуализма в менталитете русского крестьянства до-революционной России.

Показателем коллективизма русского крестьянства считается факт наличия на Руси сельской общины. Л.В. Милов выдвинул предположение, что поземельная община в России возникла как институт, позволявший крестьянам выживать при занятии земледелием в тяжёлых природно-климатических условиях [6]. Однако сельские общины существовали и в странах, не лежащих в зоне рискованного земледелия. Поэтому, на наш взгляд, вопрос не в факте наличия или отсутствия поземельной общины у конкретного народа, а в соотношении черт коллективизма и индивидуализма при занятии земледелием данным народом.

М.А. Вылцан полагает, что в сельской общине царской России присутствовали и черты коллективизма, и черты индивидуализма: коллективизм русского крестьянина проявлялся в признании крестьянского самоуправления («мира») и в доброжелательном отношении к соседу; а индивидуализм - в самостоятельном возделывании каждой крестьянской семьёй отведённого ей общиной участка земли и самостоятельном распоряжении результатами своего труда [2].

В научной литературе высказана мысль, что русский крестьянин разделял идею о верховенстве коллективной общинной собственности на землю над собственностью семейно-индивидуальной. Суть данной идеи в том, что каждый человек имеет право на труд на земле и для реализации этого права он может пользоваться землёй. Присвоение крестьянином земли для ведения сельского хозяйства осуществлялось опосредованно через институт сельской общины [3]. На наш взгляд, сложно сказать, справедлива ли эта мысль, потому что можно привести как аргументы, подтверждающие данную мысль, так и аргументы, опровергающие её.

Первый аргумент «за»: А.А. Кауфман на основе материалов экспедиционных исследований крестьянства Сибири 1886-1892 гг. прослеживает эволюцию крестьянского землевладения в этом регионе России: от захватного до общинно-уравнительного землевладения. Учёный признаёт, что захватное землевладение «может развиваться в чисто подворное, и чисто общинное владение». В Сибири же развитие крестьянского землевладения пошло по второму пути из-за присущего крестьянину-пахарю «воззрения на землю, как на “ничью”, “Божию”, “Государеву”, - как на фонд, из которого каждый имеет равное с другими право черпать себе средства существования» [5, с. 59-61]. *Второй аргумент «за»* связан с наблюдавшимся в разных регионах России (в Среднем Поволжье, Центральном Черноземье, Сибири) враждебным отношением членов общин к общинникам, укреплявшим землю в собственности в ходе реализации Столыпинской аграрной реформы [7].

Первый аргумент «против»: А.Я. Ефименко, изучавшая крестьянскую общину на территории бывшей Архангельской губернии, установила, что в XVI-XVIII вв. в сельской общине на Русском Севере преобладало долевое землевладение, при котором каждая крестьянская семья владела определённой долей всей общинной земли на правах собственности (т.е. глава семьи мог сдать свой участок земли в аренду, заложить его и даже продать)

[4]. *Второй аргумент «против»:* согласно данным земско-статистического исследования, в различных губерниях России после отмены крепостного права появилось значительное количество общин с подворно-наследственным землепользованием, где переделы земли, начиная с 1861 г., никогда не проводились [8].

Иногда для определения степени коллективизма крестьян пытаются использовать схему эволюции общины, разработанную К. Марксом и Ф. Энгельсом:

- 1) община, ведущая общее хозяйство;
- 2) община, в которой дом и двор становятся частным владением члена общины, а пахотная земля периодически распределяется между общинниками;
- 3) община, в которой пахотная земля становится частной собственностью общинников, а другие сельскохозяйственные угодья (леса, пастбища и т.д.) остаются ещё общей собственностью.

Исходя из этой схемы, наличие земельных переделов воспринимается как свидетельство архаичности русской сельской общины и, следовательно, высокой степени коллективизма русских крестьян. Однако, на самом деле, земельные переделы внутри крестьянской общины получили распространение в России только с середины XVIII в. и были связаны с массовым процессом обезземеливания [9]. На наш взгляд, прав Л.Б. Алаев, считающий земельные переделы, круговую поруку, соседскую взаимопомощь, принудительный севооборот, совместное использование угодий не «пережитком» прежнего состояния «свободной» общины», а «способом выживания в нынешних, современных данной общине, условиях» [1, с. 446].

Таким образом, *индивидуализм* русского крестьянина проявлялся в самостоятельном возделывании участка земли и самостоятельном распоряжении результатами своего труда, а *коллективизм* - в признании необходимости общины, которая позволяла крестьянам *выживать в данных конкретных условиях*, выдерживая эксплуатацию господствующего класса (вотчинника, государства). Именно для выживания крестьянства и возникали (*если того требовали обстоятельства*) такие общинные институты, как земельные переделы, круговая порука, соседская взаимопомощь и др.

Источники и литература

- 1) Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств её развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016.
- 2) Вылцан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы международной конференции (г. Москва, 14-15 июня 1994 г.). М., 1996. С. 337, 339.
- 3) Данилов В.П., Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.): материалы международной конференции (г. Москва, 14-15 июня 1994 г.). М., 1996. С. 27.
- 4) Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на крайнем Севере // Ефименко А.Я. Исследования народной жизни: Обычное право. М., 2011. С. 367.
- 5) Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири: По местным исследованиям 1886-1892 гг. М., 2011.
- 6) Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 417.
- 7) П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России: К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва, 28-30 сентября 2011 г. М., 2012. С. 249, 289-291, 311-316, 338.

- 8) Риттих А.А. Зависимость крестьян от общины и мира. М., 2016. С. 33-34.
- 9) Чулков Л.К., Пурнычева Г.М. Соборность в контексте хозяйствования русского народа // Философия хозяйства. 2016. № 3 (105). С. 51.